

О.А. Циклинская

**История иезуитского
ордена**

Том 1. Книга 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
О-11

О-11 **О.А. Циклинская**
История иезуитского ордена: Том 1. Книга 1 / О.А. Циклинская – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 192 с.

ISBN 978-5-458-51127-8

ISBN 978-5-458-51127-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

бреду ему представилось, что апостолъ этотъ, въ награду за его восхваленіе, спускается съ неба, чтобы исцѣлить его. Когда кризисъ прошелъ, больному стало лучше и онъ считалъ, что спасенъ чудеснымъ образомъ. Опасность миновала, и нога его почти зажила, какъ вдругъ онъ замѣтилъ, что надъ колѣномъ выдавалась какая-то кость, и что онъ не сможетъ хорошо натянуть сапогъ. Онъ захотѣлъ непременно, чтобы ему спилили эту кость, и перенесъ эту новую операцію, не испустивъ ни одного стога, не измѣнившись даже въ лицѣ. Онъ слова выздоровѣлъ, но снова подвергъ себя мученіямъ, чтобы не быть хромымъ. Въ надеждѣ удлинить свою правую ногу, онъ заставилъ сильно вытягивать ее желѣзной машиной; тѣмъ не менѣе, остался хромымъ на всю жизнь.

Во время этой болѣзни, онъ потребовалъ отъ скуки какихъ-нибудь рыцарскихъ романовъ,—которые составляли тогда любимое чтеніе испанцевъ. Игнатій особенно увлекался славными подвигами странствующихъ рыцарей, которые разѣзжали по бѣлу-свѣту по приказанію Дамы своего сердца, исправляя несправедливости, не скупясь на удары меча для защиты родины отъ Мавровъ, а вдовъ и сиротъ отъ лихихъ людей.

Впоследствии остроумная народія Сервантеса—„Великолѣпный доиъ Кихотъ Ламанчскій“ убила эти романы, но во времена Игнатія дворяне ими зачитывались. Хотя замокъ Лойола бывалъ обыкновенно хорошо ими снабженъ, но въ тотъ моментъ, когда Игнатій ихъ потребовалъ, ихъ не оказалось, и ему вмѣсто нихъ принесли Легенды, благочестивые романы, въ которыхъ святыя, превращенныя въ духовныхъ рыцарей, изъ любви къ Богу и Пресвятой Богородицѣ продѣлывали тысячи набожныхъ сумасбродствъ. Игнатій пристрастился къ этому чтенію, внушившему ему мысль объ основаніи ордена духовныхъ странствующихъ рыцарей, которые подражали бы святымъ въ ихъ добродѣтеляхъ и рыцарямъ въ мужествѣ и храбрости.

Однако воспоминаніе объ одной дамѣ, которую онъ знавалъ при кастильскомъ дворѣ, разсѣяло на время эти благочестивыя намѣренія. Онъ избралъ ее владычицей своего сердца и оставался ей вѣрнымъ во всѣхъ своихъ любовныхъ и геройскихъ похожденияхъ. Утомившись чтеніемъ житія святыхъ, онъ давалъ волю своему воображенію и припоминалъ все, что продѣлывали величайшіе герои странствующаго рыцарства, чтобы заслужить уваженіе своихъ Дамъ. Тогда онъ мечталъ только о томъ, какъ бы совершить что-нибудь необыкновенное, чтобы заслужить милость

красавицы испанки, потомъ снова принимался за благочестивыя книги и возвращался къ прежнимъ проэткамъ. Наконецъ мысли его опредѣлились. Онъ отказался отъ любовныхъ похожденій и отъ всякихъ удовольствій, избралъ Пресв. Дѣву Дамой своего сердца и рѣшилъ безотлагательно начать жизнь духовнаго странствующаго рыцаря. Онъ тотчасъ же составилъ себѣ планъ жизни: босыми ногами идти въ Палестину, одѣваться въ дерюгу, носить на тѣлѣ острую власяницу, вмѣсто кольчуги, питаться хлѣбомъ и водою, спать на землѣ, бичевать себя, жить въ темныхъ пещерахъ—вотъ каковы были намѣренія новаго рыцаря. Въ ожиданіи полного заживленія больной ноги онъ проводилъ все ночи въ молитвѣ и слезахъ о своихъ грѣхахъ; въ одну изъ такихъ ночей онъ упалъ на колѣни передъ иконою Пресв. Дѣвы, поклялся ей въ вѣрности и посвятилъ себя ея служенію. Іезуитскіе историки говорятъ, что онъ въ ту же минуту услышалъ страшный шумъ, домъ задрожалъ, и стекла въ его комнатѣ разлетѣлись въ дребезги. Весь этотъ шумъ продѣлалъ діаволь, рѣшившій похоронить подъ развалинами замка Лойола доблестнаго рыцаря, которому суждено было одержать надъ нимъ столько побѣдъ. Игнатій силою крестнаго знамени заставилъ сатану уйти изъ дома. Діаволь испугался и вылетѣлъ сквозь стѣну, оставя въ ней проломъ, который—по словамъ тѣхъ же историковъ—никакъ не могли задрѣзать.

Время, которое не посвящалось молитвѣ и покаянію, Игнатій проводилъ съ томъ, что записывалъ цвѣтными карандашами все наиболѣе замѣчательныя дѣянія и подвиги святыхъ; такимъ путемъ они глубоко запечатлѣлись въ его памяти и являлись для него постоянными примѣрами, достойными подражанія. Онъ имѣлъ видѣніе, еще болѣе утвердившее его въ благочестивыхъ намѣреніяхъ. Это случилось очень темной ночью: Игнатій, предававшійся обычнымъ занятіямъ, вдругъ увидѣлъ Пресвят. Дѣву съ Младенцемъ Іисусомъ на рукахъ. Ее окружало яркое сіяніе. Она ничего не сказала, но ея кроткій взглядъ преисполнилъ Игнатія чисто небеснымъ блаженствомъ. Ему казалось, что во время явленія Дамы его сердца кто-то очищаетъ его душу, изглаживаетъ изъ его памяти развратные образы, начертанные прежнею жизнію, и надѣляетъ его даромъ воздержанія. Съ той поры онъ мечталъ лишь объ отъѣздѣ; нога его зажила; его старшій братъ тщетно пытался удержать его. Игнатій покинулъ замокъ подъ предлогомъ посѣщенія герцога Нахары. Побывавъ у послѣдняго, онъ отослалъ сопровождавшихъ его двухъ служителей и отправился одинъ въ Монть-Сerratъ.

Это былъ знаменитый монастырь, расположенный на вершинѣ горы. Вслѣдствіе связанныхъ съ нимъ чудесныхъ легендъ къ нему стекались массы паломниковъ. Тамъ была чудотворная икона Божіей Матери. Игнатій избралъ этотъ монастырь какъ наиболѣе подходящее мѣсто для подготовленія и посвященія себя служенію Пресвят. Дѣвѣ въ качествѣ ея рыцаря.

По дорогѣ къ нему присоединился какой-то мавръ, вступившій съ нимъ въ бесѣду. Игнатій разсказалъ, что идетъ въ Монтъ-Серратъ, и сталъ восхвалять совершенства Богородицы. Когда магометанинъ сталъ отрицать вѣчную дѣвственность Маріи, Игнатій схватился за мечъ, чтобы убѣдить его въ истинѣ этого догмата. Мавръ былъ не изъ храбрыхъ, онъ бросился со всѣхъ ногъ бѣжать; Игнатій пустился за нимъ въ погоню, и уже нагонялъ его, когда очутился въ такомъ мѣстѣ, гдѣ дорога расходилась въ двѣ разныя стороны: одна вела въ Монтъ-Серратъ, другая въ селенье, куда скрылся мавръ. Долженъ ли былъ Игнатій догнать невѣрнаго и зарубить его въ отмщеніе за свою Даму или же продолжать путь въ Монтъ-Серратъ? Не зная на что рѣшиться, онъ предоставилъ это дѣло своему мулу и положилъ ему поводья на шею. Доброе животное направилось къ монастырю. Игнатій счелъ это божественнымъ внушеніемъ, если вѣрить іезуитскимъ историкамъ.

Добравшись до подошвы горы, онъ приобрѣлъ вооруженіе духовнаго паладина: одежду изъ грубаго полотна, веревку для пояса, сандали, пилигримскій посохъ и тыквенную бутылку; эти вещи онъ привязалъ къ луку сѣдла и поспѣшилъ возвратиться на святую гору. По прибытіи въ монастырь онъ приступилъ къ общей исповѣди въ своихъ грѣхахъ, которая продолжалась три дня. Монахъ, которому было поручено исповѣдывать пилигримовъ, далъ ему отпущеніе грѣховъ и поддержалъ его въ благочестивыхъ намѣреніяхъ. Игнатій немедленно же приступилъ къ ихъ осуществленію: онъ роздалъ свою одежду бѣднымъ, надѣлъ свое духовное вооруженіе и оставилъ только оружіе, желая принести его въ даръ Дамѣ своего сердца въ слѣдующую ночь. Въ исторіи великихъ паладиновъ онъ читалъ, что передъ посвященіемъ въ рыцари они проводили ночь въ бдѣннн и приносили своей Дамѣ горькое покаяніе. Ему хотѣлось послѣдовать ихъ примѣру и онъ провелъ въ монастырской церкви ночь съ 24-го на 25-е марта 1522 года на колѣняхъ или стоя, не спуская глазъ съ образа Божьей Матери, онъ посвятилъ себя ея служенію въ качествѣ ея рыцаря и повѣсилъ свой мечъ на одну изъ колоннъ ея алтаря:

затѣмъ отправился въ Манрець, чтобы принести тамъ покаяніе храбраго паладина.

Манрець былъ городокъ въ трехъ миляхъ разстоянія отъ Монтъ-Серрата. Игнатій поселился въ больницѣ и собиралъ милостыню. Чтобы не быть узаннымъ, а также изъ смиренія, онъ отрастилъ ногти, волосы и бороду, принялъ грубыя манеры и пренебрегъ всякими заботами о чистотѣ. Женщины пугались его при встрѣчѣ на улицахъ, дѣти кидали въ него камнями и населеніе издѣвалось надъ нимъ. Благоразумные люди совѣтовали запереть этого бѣднаго сумасшедшаго, походившаго скорѣе на медвѣдя, чѣмъ на человѣка. Игнатій относился равнодушно ко всемъ униженіямъ. Онъ ежедневно постился на хлѣбѣ и водѣ, въ воскресенье онъ съѣдалъ немного вареныхъ травъ, къ которымъ подбавлялъ золу. Желѣзная цѣпь служила ему поясомъ, а подъ холщевымъ платьемъ онъ носилъ жестокую власяницу и 3 раза въ день бичевалъ себя. Почти все ночи напролетъ онъ проводилъ въ молитвѣ и бодрствованіи и спалъ на голой землѣ. Часто ходилъ онъ въ часовню Божьей Матери, находившуюся въ окрестности, и чтобы угодить своей Дамѣ онъ къ власяницѣ и желѣзной цѣпи прибавлялъ поясъ изъ очень колючихъ травъ.

Прошло 4 мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ вести такой образъ жизни. какъ вдругъ дьяволъ началъ искушать его и внушилъ ему слѣдующія мысли:— „Что ты дѣлаешь въ богадѣльнѣ? Какой позоръ такому человѣку, какъ ты, вести жизнь нищаго! Развѣ святость заключается въ грязи и нечистоплотности? и развѣ она достигается только тѣмъ, что человѣкъ отдается живымъ на съѣденіе разнымъ паразитамъ! Какъ тебѣ не стыдно такъ унижать свое дворянское достоинство и такъ безчестить свой знаменитый родъ! Богъ далъ тебѣ великодушное сердце; Онъ хочетъ, чтобы ты былъ благочестивымъ рыцаремъ, но не презрѣннымъ бродягой. Уходи отсюда; покажи твои добродѣтели при дворѣ или въ войскахъ. Тамъ твой примѣръ будетъ полезенъ, чѣмъ въ богадѣльнѣ“.

Игнатій вскорѣ понялъ ловушку, скрывавшуюся въ этихъ словахъ лукаваго, столь согласнаго съ разумомъ; онъ съ еще большимъ рвеніемъ сталъ предаваться своимъ благочестивымъ безумствамъ, столь страшнымъ для злого духа. Смущенный неудачей своей хитрости, Сатана придумалъ новую штуку: онъ распространилъ въ Манрець слухъ, что похожій на медвѣдя человѣкъ есть благородный воинъ, переодѣтый нищимъ и отбывающій эпитемію.

Вскорѣ въ богадѣльню стали стекаться любопытные, которые, всмотрѣвшись, нашли въ немъ нѣчто особенное, выдававшее его дворянское происхождение. Испуганный Игнатій бѣжалъ изъ богадѣльни и въ четверти мили отъ Манреца открылъ ужасную пещеру, которую избралъ жилищемъ. Она находилась среди дикихъ скалъ; входъ въ нее преграждали густые кустарники; по всей вѣроятности въ ней никогда никто не бывалъ, кромѣ змѣй. Игнатій вползъ въ нее и тамъ подвергъ себя страшнымъ истязаніямъ: онъ разрывалъ себѣ плечи ударами желѣзной цѣпи, а грудь поражалъ большимъ камнемъ; не ѣлъ по нѣсколько дней сряду и только тогда, когда чувствовалъ приближеніе обморока, съѣдалъ немного заплѣснѣвшаго хлѣба, принесеннаго изъ богадѣльни. Въ теченіе нѣкотораго времени никто не зналъ, куда онъ скрылся; однажды прохожіе нашли его въ обморокѣ у входа въ пещеру, полумертваго отъ истощенія, дали ему немного пищи и привели обратно въ богадѣльню въ Манрець. Тамъ онъ снова нашелъ діавола, который старался обезкуражить его и заставить впасть въ грѣхъ гордости. Іезуитскіе историки передаютъ, безъ сомнѣнія точно, діалогъ своего основателя съ Сатаной, изъ которыхъ Игнатій всегда выходилъ съ честью. Отецъ Рибаденейра сообщаетъ, что онъ сдерживалъ побѣду надъ злымъ духомъ преимущественно силою молитвы, и сохранилъ для насъ ту, съ которой Игнатій обратился къ Богу въ минуту сильнѣйшаго искушенія. „Помоги мнѣ, Господи, помоги, восклицалъ Игнатій; отъ Тебя одного жду успѣха моего духа. Впрочемъ, я не отказался бы отъ руководителя, посланнаго Тобою, и если бы даже Ты далъ мнѣ собачку, чтобы руководить мною и успокаивать мою взволнованную душу, я ей повиновался бы какъ своему господину и слѣдовалъ бы за нею какъ за путеводителемъ“. Несмотря на эту трогательную молитву, Богъ не послалъ ему даже собачку, и онъ впасть въ такое отчаяніе, что готовъ былъ выброситься изъ окна. Манрецкіе доминиканцы изъ жалости пытались хоть немного успокоить его, но напрасно; наконецъ онъ побѣдилъ діавола и успокоился. Въ награду за выдержанныя испытанія Господь послалъ ему явленія, откровенія и экстазъ. То Онъ открывалъ Игнатію тайну Св. Троицы, то объяснялъ ему порядокъ мірозданія или таинство Евхаристіи. Онъ жилъ запросто съ Иисусомъ Христомъ и Его Матерью: таинства были для него вполне понятны; онъ увѣрялъ, что послѣ всѣхъ полученныхъ имъ откровеній Священное Писаніе могло бы исчезнуть безъ всякаго для него, Игнатія, вреда. Од-

нако діаволь по временамъ вознаграждалъ себя за пораженія. Однажды, между прочимъ, онъ исколотилъ храбраго рыцаря, захвативъ его врасплохъ; въ другой разъ онъ едва не задушилъ его. Самымъ замѣчательнымъ явленіемъ между многими другими чудесными событіями было состояніе экстаза, продолжавшееся цѣлую недѣлю, во время котораго Господь открылъ Игнатію планъ Ордена Духовныхъ Рыцарей, основателемъ котораго долженъ былъ стать Игнатій. Вслѣдствіе экстазовъ и откровеній свыше, а также и борьбы съ Сатаной Игнатій заболѣлъ. По выздоровленіи онъ понималъ, что пришла пора замѣнить подвигъ покаянія подвигомъ наставленія. Господь далъ ему столько знаній не для того, чтобы онъ держалъ ихъ для себя; поэтому онъ снялъ свою холщевую одежду и цѣпь, остригъ волосы, бороду и ногти, вымылся, надѣлъ платье изъ грубой шерстяной матеріи и принялся за проповѣдь. Въ Церкви существуетъ обычай, въ силу котораго никто не проповѣдуетъ безъ разрѣшенія епископа; но, конечно, человѣкъ, состоящій въ непосредственномъ общеніи съ небомъ, не подлежитъ обычнымъ правиламъ. Игнатій не только проповѣдовалъ, но сочинилъ книгу „*Духовныя Упражненія*“, чтобы подготовить рыцарей для своего Ордена. Если вѣрить отцу Луи дю Понъ *), самъ Богъ открылъ Игнатію эти „Упражненія“, а Пресвятая Дѣва помогала ему при сочиненіи этой книги. Жаль, что о. дю Повъ не говоритъ, какимъ образомъ онъ узналъ объ этомъ поразительномъ фактѣ. Какъ бы то ни было, Игнатій, весь проникнутый воинственными и рыцарскими идеями, мечталъ только о духовномъ воинствѣ, о войнахъ и жаркихъ битвахъ, о рыцаряхъ, закованныхъ въ крѣпкія брони и тѣсными рядами наступающихъ на Сатану подъ знаменемъ креста.

Книга „Упражненій“ содержитъ указанія на предметы молитвъ и нѣсколько довольно сухихъ правилъ, преимущественно относительно частной исповѣди. Нѣкоторые считаютъ эту книгу совершенствомъ, другіе не видятъ въ ней ничего особеннаго; иные находятъ въ ней даже заблужденія, въ особенности по вопросу о Воплощеніи.

Написавъ свою книгу „Упражненій“, Игнатій покинулъ Манрець и отправился по Святую Землю. Тамъ онъ намѣревался вступить въ жестокую борьбу съ магометанствомъ и обратить въ христіанство всѣхъ мусульманъ. Надежды его не оправдались;

*) *Жизнь Ватасари Алясареца* соч. о Луи дю Понъ, гл. 43; См. также: Алегамбъ, *Библиотека писателей иезуитскаго Ордена*, стр. 1.

въ Палестинѣ онъ пробылъ недолго и не совершилъ тамъ ни одного подвига, достойнаго столь доблестнаго рыцаря. По возвращеніи въ Европу, онъ отправился въ Испанію, съ цѣлью заняться тамъ изученіемъ сперва грамматики, а потомъ богословія. Кажется бы, что человѣкъ, съ которымъ сотрудничали при сочиненіи его книги Упражненій Самъ Богъ и Пресв. Дѣва, который и понималъ сущность таинствъ, не нуждался ни въ грамматикѣ, ни въ богословіи; но такъ какъ іезуитскіе писатели утверждаютъ, что Игнатій, обладая свыше внушеннымъ знаніемъ, все-таки долженъ былъ учиться даже первоначальнымъ [начаткамъ] языка, намъ приходится вѣрить тому, что они сообщаютъ о своемъ святомъ основателѣ даже тогда, когда они сами себя противорѣчатъ.

Игнатію было 33 года, когда онъ началъ изучать грамматику въ Барселонѣ. Склоненіе далось ему безъ особеннаго труда, но діаволь поджидалъ его у спряженія; его ловушку тѣмъ труднѣе было замѣтить, что она прикрывалась любовью къ Богу. Въмѣсто спряженія глагола „Амо“, Игнатій произносилъ признаніе въ любви: „Я люблю тебя, Господи, восклицалъ онъ, Ты любишь меня, любить, быть любимымъ и больше ничего“. Эти порывы не помогали ему усвоивать механизмъ спряженій; онъ замѣтилъ свои слабые успѣхи и вину въ этомъ приписалъ діаволу. Чтобы разрушить козни врага, онъ повелъ Артебалья, своего учителя въ церковь Св. Маріи на Морѣ, сталъ передъ нимъ на колѣни и поклялся продолжать учиться, какія бы препятствія ни создавалъ ему Сатана.

Онъ попросилъ своего учителя смотрѣть на него, какъ на малолѣтняго и обращаться съ нимъ, какъ съ таковымъ, задавая ему ежедневно уроки и наказывая кнутомъ, если урокъ былъ не выученъ. Когда онъ началъ немного разбираться въ латыни, ему дали переводить „Христіанскаго Воина“ Эразма. Но лишь только эта книга попала въ руки Игнатія, какъ всѣ его видѣнія прекратились, изъ чего онъ заключилъ, что Эразмъ, какъ авторъ, былъ негоденъ Богу. По этой причинѣ онъ запретилъ впослѣдствіи чтеніе этой книги своимъ духовнымъ рыцарямъ, которые съ той поры хулятъ ее, сколько могутъ. Христіанскіе писатели были не столь строги; они всегда почитали этого знаменитаго автора, какъ просвѣщеннаго священника, который понималъ, что въ XVI вѣкѣ Церковь нуждалась въ реформѣ, и какъ отличнаго писателя, доставшаго величайшую честь литературѣ. Игнатій, изучавшій грамматику, былъ догадливъ, а потому его послѣдователи утверждаютъ

ють, что какъ по этому вопросу, такъ и по многимъ другимъ, онъ получилъ внушеніе свыше.

Заявившись два года изученіемъ грамматики въ Барселонѣ, Игнатій счелъ себя подготовленнымъ къ философіи и богословію. Для изученія этихъ наукъ онъ отправился въ университетъ Алькала де Генаресъ, только что основанный кардиналомъ Хименесомъ. Изучая грамматику въ Барселонѣ, Игнатій приобрѣлъ нѣсколькихъ учениковъ; они хотѣли послѣдовать за нимъ въ Алькалу, но Игнатій не посмѣлъ взять ихъ съ собою, опасаясь возбудить подозрѣніе Инквизиціи. Съ нимъ отправились только Каллисть, Аргіага и Кацересъ. Въ Алькальскомъ госпиталѣ онъ встрѣтилъ четвертаго говарища. Это былъ молодой французъ по имени Жанъ, пажъ Наварскаго вице-короля, и поступилъ въ больницу для лѣченія раны. Игнатій внушилъ ему великое отвращеніе къ придворной жизни и сильную приверженость къ Духовному Рыцарству.

Учитель и его ученики носили длинный сѣрый кафтанъ и шляпу того же цвѣта. Имъ давали квартиру изъ милости и они питались подаеніемъ. Игнатій заслужилъ столъ и квартиру храбрымъ поступкомъ, о которомъ стоитъ разказать. Въ больницѣ была комната, въ которой никто не могъ жить, потому что она была полна чертей, производившихъ каждую ночь страшный шумъ. Начальникъ госпиталя предложилъ эту комнату Игнатію, предупредивъ о томъ, что тамъ происходитъ. Игнатію слишкомъ часто приходилось бороться съ дьяволомъ, чтобы его бояться, и онъ смѣло принялъ комнату. Однако, услышавъ адскій шумъ, у него замерло сердце, но, преодолевъ свой испугъ, онъ всталъ и заклилъ Сатану и аггеловъ его: „Если Господь далъ вамъ право вредить мнѣ,—я готовъ: разите. Но если вы не получали отъ Бога никакого права, бѣгите, проклятыя твари, и оставьте меня въ покоѣ“. При этихъ словахъ дьяволы обратились въ поспѣвшее бѣгство и никогда больше не возвращались праздновать свой шабашъ въ комнатѣ, гдѣ ихъ заклилъ святой человѣкъ. Въ награду за оказанную важную услугу начальникъ Госпиталя далъ Игнатію не только комнату, но и пищу. Тѣмъ не менѣе Игнатій продолжалъ просить милостыню не для себя, а для бѣдняковъ, стыдившихся протягивать руку, и для немощныхъ, не могшихъ выходить изъ дому.

Въ то-же время онъ слушалъ лекціи въ Алькальскомъ университетѣ. Тамъ читали логику Доминика Сото, физику Альберта Великаго и изреченія Петра Ломбарда. Несмотря на все свое при-

лежаніе, онъ не понималъ ни авторовъ, ни ихъ толкователей. Есть основаніе думать, что авторы эти, подобно Эразму, были прокляты Небомъ, а потому и недостойны, чтобы ихъ понималъ столь святой мужъ. Какъ бы то ни было, Игнатій и его товарищи покинули Университетъ и сдѣлались учителями для народа и малыхъ дѣтей. Они обучали катехизису и увѣщевали развращенныхъ школьничковъ. Кромѣ того къ Игнатію присоединились нѣсколько женщинъ — ханжей въ качествѣ ученицъ. Такой шумный успѣхъ обратилъ на себя вниманіе Толедской Инквизиціи. Нѣсколько членовъ страшнаго трибунала отправились въ Алькалу, думая поймать приверженцевъ секты *Илломинатовъ*, но нашли нѣчто совсѣмъ иное. Убѣдившись въ невѣжествѣ новыхъ ученыхъ, они передали все это дѣло Жану-Родригу Фигуэроа, старшему Алькальскому викарію, и возвратились во-сеояси. Синьоръ викарій нарядилъ слѣдствіе о жизни и нравахъ обвиняемыхъ и отпустилъ ихъ на свободу, запретивъ имъ телько одѣваться всѣмъ одинаково.

Едва избавившись отъ этой непріятности, Игнатій попалъ въ другую не меньшую. Въ числѣ его приверженцевъ въ Алькалѣ оказались двѣ дамы, возгорѣвшіяся благородной страстью къ Духовному Рыцарству; имъ казалось, что онѣ могутъ подражать тому, кого избрали своимъ руководителемъ. Игнатій тщетно разубѣждалъ ихъ; онѣ положительно отказались допустить возможность восхищаться великими и прекрасными поступками другихъ людей и не поступать такъ же. Онѣ рѣшили, что Игнатій непослѣдователенъ, желая помѣшать имъ поступать такъ, какъ онъ самъ счелъ за благо, покинули свои дома и стали вести жизнь *странствующихъ рыцарей*, совершивъ пѣшкомъ и въ одеждѣ нищихъ два знаменитыхъ паломничества: къ Гваделупской Божьей Матери и къ Жанской Плащаницѣ. Вскорѣ вся Алькала заговорила объ отъѣздѣ этихъ дамъ, а такъ какъ знали, что онѣ были изъ послѣдовательницъ Игнатія, то вся отвѣтственность за ихъ поступокъ пала на него. Слухъ объ этомъ дошелъ до викарія Инквизиціи, который посадилъ Игнатія въ тюрьму. Обѣ дамы, вернувшіяся въ Алькалу послѣ 40-дневнаго отсутствія, были допрснены и показали, что Игнатій не только не побуждалъ ихъ къ совершенію этого подвига, но всячески отговаривалъ. Тогда викарій освободилъ его, но обязалъ какъ его, такъ и его товарищey, одѣваться какъ всѣ прочіе студенты и запретилъ заниматься преподаваніемъ до окончанія четырехлѣтняго курса богословія.

Такой приговоръ не могъ понравиться человѣку, которому Господь далъ разумѣніе величайшихъ таинствъ; онъ посѣщилъ покинутъ Алькалу и отправился въ Саламанку, гдѣ находилось весьма знаменитое училище богословія. Его сопровождали четыре ученика. Дорогой Каллистъ обмѣнялся одеждой съ какимъ то оборваннымъ странникомъ и прибылъ въ Саламанку въ слишкомъ короткомъ кафтанѣ и грязной широкополой шляпѣ, придававшей ему смѣшной видъ. Игнатій съ учениками снова взялись за проповѣдь, какъ въ Алькалѣ; народъ толпами стекался на ихъ бесѣды, нѣкоторыя дамы избрали ихъ своими духовными руководителями. Доминиканцамъ изъ монастыря Св. Стефана захотѣлось доподлинно узнать, кто такіе были эти люди, надѣлавшіе столько шума. Игнатій избралъ одного изъ этихъ монаховъ своимъ духовнымъ отцомъ. Однажды послѣдній пригласилъ его къ себѣ на обѣдъ; онъ принялъ приглашеніе и отправился въ монастырь вмѣстѣ съ Каллистомъ. Послѣ обѣда помощникъ настоятеля вмѣстѣ съ духовникомъ и еще однимъ монахомъ отвелъ обоихъ духовныхъ рыцарей въ укромное мѣстечко и сталъ весьма настойчиво допрашивать ихъ относительно ихъ образованія и той миссіи, которую они себѣ приписывали. Игнатій отказался отвѣчать.— „Я васъ заставлю говорить“, заявилъ помощникъ настоятеля и тотчасъ же велѣлъ запереть своихъ гостей и далъ знать обо всемъ дону Фріасу, старшему викарію Саламанкского епископа, который безъ всякаго суда и слѣдствія засадилъ обоихъ арестованныхъ въ тюрьму, сковавъ ихъ вмѣстѣ по ногамъ одною общею толстой цѣпью. Они всю ночь расцѣвляли духовныя пѣсни; на другой день Фріасъ допросилъ ихъ; Игнатій вручилъ ему свою книгу „Духовныя Упражненія“ и указалъ мѣста жительства своихъ остальныхъ трехъ товарищей, которые были также арестованы и посажены въ тюрьму, не добившись возможности сообщаться ни съ Игнатіемъ, ни съ Каллистомъ.

Фріасъ прочелъ „Духовныя Упражненія“ и отдалъ эту книгу на разсмотрѣніе трехъ докторовъ богословія. Послѣ 22-хдневнаго заключенія учитель и ученики были судимы; судъ запретилъ имъ говорить о различіи между грѣхомъ смертнымъ и грѣхомъ простительнымъ, не прослушавъ четырехлѣтняго курса богословія. Было найдено, что по этому вопросу ученіе „Духовныхъ Упражненій“ было не совсѣмъ правильнымъ. Впрочемъ было объявлено, что обвиняемые не еретики и поведенія добропорядочнаго. Кромѣ того имъ разрѣшалось учить Закону Божью.